

Глава 69. Их детство (3)

— Ты очнулся?

— Да, — как можно спокойнее ответил Ли Вэй. — Думаю, всем нам стоит немного успокоиться и сесть, чтобы всё нормально обсудить.

А сам в это время мысленно торопил чёрную свечу:

«Думай! Думай!!»

Он повторил это дважды, и по одной только настойчивости можно было понять, насколько он сейчас на взводе.

Но чёрная свеча ответила неспешно:

«Вообще-то у меня есть решение. Только ты всё ещё должен мне одну голову. Я не какая-нибудь бессердечная свечка, понимаешь? Видишь тех людей впереди? Мышление закаменелое, воли никакой, грехов выше крыши — каждый из них и по три смерти заслуживает. Идеальная закуска для Богини.»

«...»

Ну и вкус у Богини, конечно.

Ли Вэй дёрнул уголком рта и как можно мягче сказал:

«Они хотят меня убить. Я вовсе не против ударить насмерть, и с точки зрения закона это всё равно будет самообороной. Но тебе не кажется, что если я здесь начну убивать, выбраться отсюда потом станет куда сложнее?»

Чёрная свеча, как элитный саппорт, была предельно уверена в его способностях и с вызовом ответила:

«Со мной рядом ты чего боишься?»

Ли Вэй очень, очень глубоко вздохнул.

Он поднял голову и ещё раз посмотрел на происходящее вокруг, заметив, что всё развивается чуть иначе, чем он сперва подумал. Строго говоря, эта шайка похитителей пришла сюда не устраивать оргию.

Возможно, если бы Ли Вэй оказался совсем беспомощным и продолжал бы сопротивляться, со временем, под давлением проклятия, они и впрямь дошли бы до каких-нибудь решений, противоречащих даже их собственным предкам. Но по крайней мере сейчас их главарь был твёрдо уверен, что Ли Вэй одержим дьяволом, а сам он вот-вот исполнит священную миссию и проведёт буквальный физический экзорцизм.

На лице стоящего перед Ли Вэем мужчины среднего возраста смешивались отвращение и борьба с собой. Он крикнул остальным:

— Дьявол говорит! Он пытается нас совратить! Люди Веры! Близость с себе подобными — скверна, а злой дух только и хочет, чтобы вы возненавидели друг друга и забыли о Господе. Поклянитесь, что не поддадитесь!

— Господи! Убереги нас от зла нечистого!

По пустому складу прокатился густой рокочущий хор голосов.

— Дьявола надлежит побивать камнями!

Люди принялись хватать с пола песок и бросать его в Ли Вэя. Главарь быстро пресёк этот бессмысленный цирк и сказал:

— Камней недостаточно. В особых случаях нужны особые меры.

Он погладил бороду, взял из железного подноса рядом ржавые клещи и спросил Ли Вэя:

— Ты признаёшь свою вину?

Ли Вэй помолчал, затем улыбнулся и спокойно спросил:

— В чём именно моя вина?

Этой одной фразы оказалось достаточно, чтобы полностью вывести собеседника из себя.

— Безбожник! — рявкнул он. — Господь запрещает разврат, зло и притеснение! Господь сказал: «Неужели вы будете творить такую мерзость? До вас никто во всём мире не совершал подобного».

— Любовь — мерзость? — спросил Ли Вэй.

— Да. — Мужчина ответил ледяным голосом. — Если, отвернувшись от женщин, ты ищешь вожделения в мужчине, это уже не любовь. Ты болен, друг мой. Дьявол заразил тебя и поставил против Бога.

Ли Вэй заговорил тоном, будто и правда хотел разобраться:

— Если я послушно исполню волю Бога, значит ли это, что когда-нибудь стану счастливым, даже если, как и вы, стану делать зло и угнетать других?

— Ты...

— С самого детства меня воспитывал бог, — перебил его Ли Вэй. — Я видел богом собственного отца и принимал всё, что он мне давал. Позже я встретил уже двух настоящих богов: один велел мне стать храмовой проституткой, другой — орудием убийства. Так что и для убийства, и для совокупления с кем-либо всегда можно найти подходящее священное основание.

— Но любовь... она не осквернена ни грехом, ни похотью. Ни один бог не указывал мне, кого любить. Это был мой выбор.

— Чушь! — Мужчину затрясло от злости.

Один молодой парень рядом уже не выдержал, вырвал у него из рук орудие и, вызвавшись вперед, прорычал:

— Позвольте мне самому разобраться с этим нераскаянным дьяволом!

— Подожди... — хотел ещё что-то добавить главарь, но молодого уже понесло. Его раззадорили

слова про «храмовую проститутку», «грех» и «похоть». Он хищно ухмыльнулся и поднял железный прут, не замечая, насколько уродливо сейчас выглядит его собственное лицо. В голове у него уже крутились мысли ещё более жестокие, ещё более возбуждающие: храмовая проститутка, служащая чужому культу, сама предназначена для чужого удовольствия. Человек, которого увёл за собой дьявол, не заслуживает жалости. А если он и изображает сопротивление, то это всего лишь игра. Значит, нужно в соответствии с волей Господа разрушить его, подчинить, заставить замолчать — чтобы он больше никогда не смел говорить ничего, кроме дозволенных священных слов.

Он бросился к Ли Вэю и, из-за спешки, чуть не споткнулся. Кто-то вокруг просто жадно наблюдал, кто-то уже жалел, что не успел первым урвать свой кусок.

Только у самого старшего мужчины на душе вдруг шевельнулось едва заметное беспокойство. Он решил, что это всего лишь страх, как бы вождь не узнала, и потому лишь коротко предупредил:

— Потише. Без лишнего шума.

Но ответил ему уже не молодой фанатик, а Ли Вэй:

— Понял.

В янтарных глазах Ли Вэя вспыхнули два сгустка чёрного пламени.

«Богиню Смерти тоже считают святой-покровительницей ЛГБТ, — протянула чёрная свеча, вытягивая пламя в длинный язычок, будто специально растягивала слова. — Мы ведь даже проводим религиозные брачные обряды для однополых пар. Если тебе кто-то приглянулся, то после убийства и принесённой жертвы можешь поцеловать его.»

«Но на этом всё. Дальше не надо, мне будет неприятно смотреть. Если тебе нужна гармония в личной жизни, сам иди просить у красной свечи...»

Но Ли Вэй её уже почти не слушал.

Он сломал себе большой палец и таким образом высвободил кисти из туго затянутых верёвок.

Юноша в длинном одеянии стоял прямо перед ним. Если забыть о его грехах, выражение на лице у него было почти благоговейным. Священный свет свечи отражался от холодного железа. И Ли Вэю вдруг вспомнилась песня, которую он часто слышал в детстве:

«Knows everybody's disapproval...

We were born sick, you heard them say it.

Знаю, нас не примут никогда...

Нам твердили: вы рождены больными».

Очень давно Ли Вэй вместе с отцом, Райнером Ливиусом, поселился в далёком городке на окраине мира. До этого его единственным взрослым был отец. Обычное человеческое воспитание прошло мимо него, как и самые базовые социальные представления.

И лишь пойдя в школу, Ли Вэй обнаружил, насколько он не похож на остальных.

Что такое вежливость? Что такое совесть? Что такое мораль? Что такое закон?

Если сильный ест слабого — это грех. Если человек убивает себе подобного — это грех. Но если кого-то травят под видом справедливого осуждения — это уже не грех.

Грех — быть диким. Грех — быть невежественным. Но при этом хищный эгоизм, прикрытый негласными правилами, грехом не считается.

Взрослые обходили его стороной или смотрели издали с жалостью и сожалением, словно на чудовище. Дети брались за руки, сталкивали его в грязевую яму и невинно спрашивали:

— Ларк Ли Вэй, почему ты не такой, как мы?

Я не знаю. Меня никто не учил. Только позже я понял, что всё, с чем я вырос, было грехом.

— Ты мучаешь зверей, тебе нравятся мужчины, и даже выглядишь ты странно. Это неправильно.

Человеческий ребёнок должен быть чистым, послушным и добрым. Только я один стоял голый перед всеми, словно выставив на свет то, что другие привыкли прятать.

— Недоросль-убийца, педик и никому не нужный ублюдок... Да его жизнь кончена. Готов поспорить, он либо сядет, либо сдохнет.

— Господь, помилуй его. Аминь.

Когда ему было чуть больше десяти, Ли Вэй однажды лежал в грязи после дождя и рыдал так сильно, как только мог. И именно в тот день он впервые поверил, что проблема в нём самом. Иначе почему каждая книга, каждая истина, каждый хороший человек на свете осуждали именно его?

Райнер Ливиус не стал его утешать. Не стал ничего объяснять. Он только сказал:

— Я никогда не учил тебя плакать. Твоя слабость вызывает у меня отвращение.

Священный образ рухнул.

Маленький Ларк Ли Вэй больше не знал, во что ему верить.

Однажды он сидел в пустом классе, спрятавшись с наушниками, и тайком смотрел на мир снаружи. Перед ним лежал толстый, потрёпанный том законов, а в старом MP3 плыла музыка:

«Take me to church...

Я встану, как пёс, перед твоей ложью, приму её за святыню,

расскажу тебе все свои грехи,

а ты можешь точить ножи,

даруя мне вечный покой...

Господи, позволь мне принести тебе свою жизнь...»

Под ясным небом дети бегали и играли на школьном дворе. Взрослые беседовали у ярких клумб. На горизонте мягко поднимались горы, похожие на материнские объятия. Над зелёными буками скапливались белые облака.

В такой ясный и мирный полдень юный Ларк Ли Вэй, впервые соприкоснувшийся с человеческим миром, впервые по-настоящему подумал о смерти.

* * *

Хруст.

В свои двадцать шесть лет Ли Вэй свернул святому шею.

Слова автора:

Текст основан на знаменитой песне Take Me To Church, но в переработанном виде.

<http://bllate.org/book/17014/1657221>